

ГАЛУШКИН Н. И. — в ПОМПОЛИТ

ГАЛУШКИН Николай Иванович, родился ок. 1865. Получил высшее юридическое образование. До революции служил следователем, затем — мировым судьей, позднее — председателем земской управы в Сальске. В середине января 1930 — арестован в Сальске по обвинению в «антисоветской агитации». В апреле 1930 — приговорен к 10 годам ссылки в Северный край. Отправлен в Архангельск, откуда в мае 1930 — обратился с заявлением в Президиум ВЦИК.

<5 мая 1930>

Московскому отделению МОПРа

Препровождая при сем копию моего заявления, адресованного Президиуму ВЦИКа, прошу отделение МОПРа оказать свое содействие к удовлетворению этого ходатайства в возможно непродолжительном времени и о результате известить меня в возможно кратчайший срок.

1930 г<ода> мая 5 дня.

К сему подписуюсь

Н. Галушкин»¹.

К письму Николая Ивановича было приложено заявление в Президиум ВЦИКа, которое он просил отправить по назначению.

«В Президиум ВЦИКа
Копия Московскому Отделению МООПа

Административно сосланного
из г<орода> Сальска,
Северо-Кавказского края в
г<ород> Архангельск,
гр<аждани>на Николая
Ивановича Галушкина

З а я в л е н и е

Постановлением Сальского Окружного ОГПУ, состоявшимся в апреле месяце 1930 года, я, после 2½ месячного заключения, без пищи и без прогулок на свежем воздухе, больной старик 65 лет, признан виновным в агитации и присужден к высылке в г<ород> Архангельск, в распоряжение ГПУ сроком на 10 лет, когда немедленно и отправлен, не дав мне возможности взять необходимую теплую одежду, обувь, белье и без всяких средств.

После 11 суток путешествия в самых тяжелых условиях, почти без пищи и воды, меня, наконец, доставили в Архангельск 22 апреля и поместили в барак, где находятся несколько тысяч таких же высланных. Здесь тоже я не имел продовольствия, и приходилось покупать хлеб на рынке самого плохого качества по 1 руб<лю> за кило, о других же продуктах питания по случаю их дороговизны и думать не приходится, это мне не доступно, несмотря на то, что по состоянию здоровья хорошее питание мне было необходимо.

Через неделю после нахождения в холодном бараке, при сырой и холодной погоде (мороз доходил до 15 градусов), меня с другими погрузили в товарный вагон, где, по случаю мороза и холода, я совсем заоченел в своей легкой одежде и обуви, и в таком виде доставили на станцию Обозерскую, откуда мы прошли лесом верст пять, и я помещен в

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 27. Автограф.

барак № 42. Здесь зимою устроены новые бараки в количестве 60 из жердей, крытые мерзлой землей, у большого озера; местность сырая, и бараки тоже; земляной изрытый пол барачков промерз так, что устроенные здесь в бараках примитивные печи только дымят, а тепла не дают нисколько, везде сырость, холод, негде обогреться и обсушиться; в каждом бараке помещается до 200 человек, а всех ссыльных здесь до 8000 в одном только Обозерском пункте, покрытыми тучами паразитов; смертные случаи стариков и детей здесь обычное явление почти каждый день, и медицина бессильна помочь без устранения причины болезней и смерти, ибо, с одной стороны, сырость и холод губительно действуют на здоровье, а, с другой, — отсутствие питания и даже голод губят здоровье даже молодых и здоровых. Здесь я должен заметить, что ни в Архангельске, ни здесь не дают почти никакого продовольствия, дано раза два за неделю по 1 фун<ту> хлеба черного и черствого и воды со стоячего озера с настоем, как чай, от осыпавшихся листьев леса — и больше ничего. В Архангельске, хотя по дорогой цене, можно было добывать продукты пропитания, а здесь и за деньги ничего не достанешь, все обречены на медленную мучительную смерть. Работы по своей специальности и по своим силам достать нельзя, и средств к жизни нет.

Больнее всего то, что приходится переносить эти адские мучения без всякой вины, за то только, что я бывший земский начальник.

Такое чрезвычайно горестное положение, несмотря на то, что постановление Сальского ОГПУ мною обжаловано Прокурору Республики в порядке надзора, и я льщу себя надеждою, что будет отменено, но чрезвычайно тяжелые условия моей ссылки, прогрессирующие благодаря этому болезни, ревматизм, малокровие, катар желудка, бронхит, вынуждают меня убедительно просить Президиум ВЦИКа сделать немедленно по телеграфу распоряжение об освобождении меня от незаслуженного наказания или, в крайнем случае, о перемещении в местность, более удобную в климатических и продовольственных условиях, а именно: в Ставропольский или Краснодарский округ, или в Сталинградскую губ<ернию>, или на Украину, или хотя бы в Ташкент, так как я болен, и пребывание мое в бараке хуже смертной казни. О последующем по сему ходатайству распоряжении прошу известить меня по месту моего пребывания.

1930 г<ода>, мая 5 дня.

К сему подписуюсь

Н. Галушкин»².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

Сделать выписки для През<идиума> ОГПУ, указать, что подано заявл во ВЦИК с просьбой отмены приговора. Е.П.»

В сентябре 1931 — Николай Иванович Галушкин обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<26 сентября 1931>

«Глубокоуважаемая
Е. П. Пешкова!

Получивши Ваш ответ от 3-IX-1931 г<ода> за № 2436 на мое ходатайство о смягчении моей участи, как безвинно сосланного в суровый Северный край на 10 лет, и притом старика 66 л<ет>, больного, я, как настрадавшийся, измученный и потерявший веру в справедливость, был

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 520. С. 28. Автограф.

обрадован и растроган Вашей добротой до слез, и счел своей священной обязанностью выразить Вам свою великую благодарность за Ваше участие в моем горе и готовность помочь мне освободиться от ссылки.

Получив Ваше письмо, а также, почти одновременно, письмо из ВЦИК, где меня извещают о том, что мое ходатайство о помиловании не поступило в Комиссию Частных Амнистий и предложено мне прислать о себе новые сведения, у меня явилась искра надежды на спасение от этих ужасных страданий. 17-го сентября я послал во ВЦИК свое новое ходатайство спешным письмом, а Вас осмеливаюсь покорнейше просить оказать мне со своей стороны помощь к возможно скорейшему удовлетворению моего ходатайства ВЦИКом.

Благодаря этой ссылке и унижению человеческого достоинства, я, по специальности юрист (был мировым судьей, был следователем и членом Коллегии защитников), из-за куска хлеба вынужден был поступить на службу простым рабочим на постройку дороги Обозерская – Онега и жить в глухой и бедной деревне Большие Озерки, где ничего нельзя достать и за деньги, тогда как, будучи несколько раньше в г<ороде> Архангельске, в Краевом Суде мне сказали, что Суду нужны такие опытные люди, как я, но меня не могут принять, потому что я из высланных, а если я освобожусь от этой ссылки, тогда мне дадут должность по моей специальности.

Из этого Вы можете убедиться, как мне необходимо освобождение от этого ужасного наказания возможно скорее, и притом, наказания не по заслугам, а благодаря показаниям на следствии лжесвидетелей, и я, юрист, должен мучиться от голода и унижения человеческого достоинства и ради куска хлеба быть простым рабочим, тогда как по своей специальности я мог бы принести гораздо больше пользы и себе, и государству.

Будьте же Вы милосердны ко мне, помогите мне добиться во ВЦИКе освобождения возможно скорее.

С глубочайшим почтением и преданностью долгом считаю быть Вашим покорнейшим слугою.

Николай Галушкин.

P.S. Мой адрес:

Ст<аниця> Обозерская, Северных жел<езных> дорог, а отсюда в д<еревню> Большие Озерки, Плесецкого района, Северн<ого> Края. Контора “Дорстрой” Николаю Ивановичу Галушкину³.

---

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 625. С. 83-84. Автограф.